

Глава 1

ПОГОНЯ

Ранним утром на землю, будто облако, опустился морозный туман, посреди которого стоял погруженный в сонное затишье бивуак. Вокруг раскинулись почти бескрайние холмистые равнины, кое-где прорванные рощами и одиноко стоящими деревьями. Одно такое дерево, ель, вздымалось прямо посреди бивуака, и среди его ветвей неожиданно каркнул ворон. Каркнул неприятно, устало. Ноэльский караульный поднял голову, придержал шлем и шикнул на него, потрясая алебардой.

Старый ворон подпрыгнул, тяжело вспорхнул, но тут же приземлился на сук повыше — где безопаснее. И снова продолжил глухо каркать, раздражая всех вокруг.

Тогда караульный нашупал под снегом камень, уж было взялся за него, чтобы бросить в птицу, однако та успела покинуть ель. Шумя крыльями, она пролетела над коновязью, навесами, повозками и будто нарочно приземлилась туда, куда не следовало: на голубой расписной шатер Мариэльд де Лилле Адан. Вцепившись когтями во флагшток, она снова угрожающе каркнула. В ее голосе сплетались усталость

от недавно начавшейся зимы и злость. Караульному пришлось опустить руку с камнем, и он в бессилии зашипел, оголив клыки:

— Кыш! Пошел вон, чертов ворон. Убью!

Однако матерый ворон с большой лохматой бородой под клювом, будто понимая, насколько пусты угрозы вампира, никуда не улетал, а лишь хлопал крыльями и каркал. Его глухой, сиплый голос противно разрезал окружающую тишину, заставляя просыпаться всех, кто еще сладко спал под стегаными одеялами.

Откинув полог богатого шатра, в снежную завесу ступила Мариэльд де Лилле Адан. Охрана тут же согнулась в поклоне. Графиня же, кутаясь в шаль, задумчиво уставилась на птицу, сидящую на верхушке своего красивого шатра.

— Позвольте, тео? — шепнул один из караульных, поднимая камень.

— Не позволю. Только глупец убивает посланца, пусть и явившегося с дурными вестями. Ада... Ада! Найди мой голубой плащ с куницей!

Служанка накинула на плечи хозяйки плащ. Пригладив меховой воротник, Мариэльд вздохнула и продолжила рассматривать ворона. Тот тоже глядел на нее, поворачивая голову и мигая то одним круглым черным глазом, то другим. Затем графиня прислушалась и перевела свой взор уже на окрестности. Прошлым вечером лагерь был наспех окружен повозками. Посередине установили такие же скорые навесы, где, укрывшись льяниками, еще посапывала часть прислуги. Из-за вороньего крика многие проснулись, потягивались, и лагерь медленно оживал.

Скоро все должны тронуться в долгий путь.

— Прикажете собирать вещи? — спросила Ада.

— Нет. Это бессмысленно.

— Почему, тео Мариэльд?

— Мне эти вещи более не понадобятся, — ответила графиня, снова взглянув на замолкшего ворона. — Хотя... подай,

пожалуй, платок. Может, пригодится. Кто знает, насколько далеко простирается *его* учтивость...

Каркнув в последний раз, ворон тяжело взлетел и исчез в морозной дымке. Мариэльд проводила его долгим взглядом, затем вернулась в свой богатый шатер.

* * *

Пока бивуак медленно пробуждался, двое вампиров-караульных переговаривались около коновязи. На их лицах ясно отпечатывалась неприязнь к тому, о чем они говорили. Не нравились им эти черно-белые пейзажи, где метался унылый, пустой, будто обезличенный ветер. Караульные мечтали о родных просторах — о любимом и волнующем сердце Ноэле, куда стремились всей душой. Им можжевельных лесов хотелось! И чтобы Фелл выдувал из своих ноздрей крепкий ветер, полный свежести, отчего море грозно рокотало бы у пристани Луциоса, разбиваясь об нее в белую пену.

Вздыхнув, Луан пожаловался своему товарищу:

— Гадость, а не Север. Согласись...

— Гадость. А чего это тео приказала не собираться? Разве не спешим мы в Ноэль? Вон, две недели без роздыха почти.

— Может, не в духе... Все равно же собираемся, чтоб быстрее миновать эти проклятые земли.

Тут Луан вдруг встревожился.

— Слышишь? — спросил он.

— Слышу, земля гудит. Вспомни, она так же гудела у того села на распутье, — хмуро отозвался напарник.

— Да нет. Вслушайся!

— Слушаю, точно земля гудит. Неудивительно, что здешние демоны давно сбежали на Юг. Чтоб этот Север с его вечной тряской дюжи затопили!

— Ладно, схожу-ка проверю.

Со вздохом уставшего южанина, которому опротивел Север, да так опротивел, что сил больше нет его терпеть, Луан стал взбираться и спускаться по низким холмам. Он шел

среди морозного тумана, размышляя, что в Ноэле-то еще должно быть тепло. Вскоре он замер, вслушался: из-за кряжа доносился не отдаленный гул, а отчетливый конский топот.

Атакуют. Их атакуют!

Луан помчался обратно к лагерю.

Позади него все сильнее сотрясалась земля, а мерзлый воздух наполнился звонким ржанием. Когда караульный уже подбегал к возведенному из подвод ограждению, из снежного тумана за его спиной выросла огромная тень. Оглянувшись, Луан увидел, как она обернулась всадником в желтом табарде. Сверкнуло острие копья. Луана насадили на ясеневое древко и, вопящего, протащили еще с десяток васо в воздухе, пока копьё не обломилось. Из тумана просачивались и другие всадники, напоминающие скорее гримов. Они явились молча, без каких-либо возгласов, за кого же они сражаются. В руках у них развевались бело-желтые знамена с гарпией о трех лентах — знамена барона Бофровского.

Небольшое бофрайтское войско напало на бивуак. Ноэльцев сразу отрезали от коновязи, где находились все лошади. Там же сшибли и затоптали пару караульных. Среди прислуги поднялась паника. Истошно заверещали служанки. Многие кинулись кто куда, не разбирая дороги. Поначалу бивуак стал местом не сражения, а резни. Чуть погода с ноэльцев все же спало оцепенение, и кто мог похватал оружие, чтобы дать отпор. Недолгое замешательство развеялось, когда все поняли, что нападавших примерно столько же, но они люди. Те, кого не затоптали быстрым набегом, кто не пал от пронзающего копья, кто не растерялся, собрались в сердце лагеря у самого большого голубого шатра. Там они выстроились плотной непоколебимой стеной, чтобы защитить находящуюся внутри Мариэльде Лилле Адан. Наступательный порыв иссяк, атака захлебнулась среди палаток, мешков с зерном, костров, выстроенных из повозок ограждений. Лагерь был обустроен тесно, на больших широкогрудых конях не протолкнуться, поэтому бофраитцы спешили и двинулись дальше пешком.

Их вел за собой предводитель, укрывший доспехи за желтым табардом.

Около шатра два малых войска неистово столкнулись. То был бой не на жизнь, а на смерть. Люди и вампиры. Бофрайтцы наседали копьями, выставив их вперед, а ноэльцы отбивались. В какой-то миг ноэльцы сами решили перейти в наступление, пытаясь сыграть на страхе людей перед собой. Но страха они не обнаружили. Бофрайтцы двигались на них зло, яростно и скоро. Вскоре, видя, что их продолжают давить, невзирая на потери, вампиры дрогнули и попытались атаковать предводителя нападавших. Трое навалились на него, но он даже не порывался отступить и с яростным криком, сверкая синими глазами, кидался в самую гущу. Он был сердцем атаки. На его щит с замазанным грязью гербом обрушились удары. Щит тут же не выдержал — треснул, осыпал щепками. Но предводителя это не поколебало даже на миг, и он продолжал продавливать стену, выросшую перед расписным шатром графини, кидался на нее, как обезумевший демон.

Ноэльцы были быстры, но предводитель — быстрее. Они были неутомимы в бою, но он — неутомимее. Они кололи его, били, но он словно не чувствовал боли, и каждый, посмевавшийся занести над ним клинок, падал замертво.

Тогда уже сами ноэльцы поддались страху. Они поняли, что на них напали не из-за желания наживы, а из лютой злобы. На них напали как на злейших врагов! Под таким натиском и выучкой все вампиры побросали все: и расписной шатер, где укрылась графиня, и саму графиню, а также весь скарб и сундуки. Они бежали куда глаза глядят, спасая собственные жизни, которые они всегда ценили больше любого золота и драгоценностей. Между тем в самом шатре Мариэльд де Лилле Адан окружили слуги, которые то испуганно хватались за дорогие вещи, будто желая спасти их, то рассеянно оглядывались, то в каком-то оцепенении прислушивались к звукам боя снаружи.

— Тео, тео! — молила слезно айорка Ада. — Нужно бежать!

— В этом нет никакого смысла, — отвечала спокойно графиня.

— Мы выведем вас! Тео, пойдете!

— Лагерь окружен. Никто отсюда не уйдет живым.

— Тео... молю...

Однако графиня не ответила.

Тогда Ада закрыла глаза руками, не желая воспринимать все происходящее. Ведь они ехали в Ноэль, куда она стремилась всем сердцем, как мать и жена, желая увидеть двух своих детей и оплакать умершего мужа Кьенса. Но сейчас за шатром раздавались крики. Отвратительно бряцало железо. Пахло кровью. Ада всегда любила этот запах, сладостный, тягучий, названный на Юге «красным золотом». Однако здесь, в лагере, кровь пахла иначе. Она пахла смертью, и то была смерть ноэльских солдат. Что с ними сделают? Убьют? Но как они вообще посмели напасть на них?

Потерявшись в мехах, Мариэльд держалась величественно. Она безразлично слушала, как снаружи за нее умирают вампиры. Их было порядка полусотни, грозная сила, — но не против такого сплоченного и свирепого врага. Наконец не выдержав, Ада разрыдалась и кинулась к другой стороне шатра. Ее тонкое тело изогнулось, и, бросив последний взгляд на хозяйку, айорка пролезла между настеленными льняниками и тяжелым голубым пологом. Она побежала в снежную завесу. Следом за ней после недолгого промедления бросился и цирюльник Пайот, с трудом волоча за собой сумку. Впрочем, стоило ему лишь показаться снаружи, как его тут же настигло лезвие неприятельского меча.

Благодаря удаче Ада вырвалась из окружения и теперь бежала в тумане. Позади доносилось ржание. Затем грубые окрики: «Догнать!» За ней бросился в погоню кто-то тяжелый, потому что конь под всадником измученно хрипел. Со сдавленным рыданием Ада миновала заснеженный холм, за которым увидела реку, и кинулась уже к ней, как к спасительнице, надеясь уплыть.

Перед ней, вынырнув из снежной завесы, появился рыжий конь. Ада вскрикнула и остановилась.

Тяжело дышащий от старости воин смотрел на нее сверху вниз. У Ады еще не были заплетены по-ноэльски косы, и потому волосы струились по плечам. Платье облегалo тонкую фигуру. Она была похожа на трепетную лань, загнанную охотником в ловушку. И поневоле мужская рука дрогнула. Копье зависло над милой головкой, обрамленной темно-серыми волосами. Казалось, воин раздумывал: демоница ли перед ним? Или простая женщина?

Неожиданно Ада оскалилась клыками. В отчаянном желании не умереть — хотя бы ради детей — она ухватилась за копье, потянула на себя. Внешне айорка казалась беззащитной, но у нее хватило сил отобрать оружие. Извернувшись, Ада сделала выпад. В каком-то непонятном удивлении преследователь посмотрел сначала на нее, потом на свой нагрудник, чувствуя, как острие вошло аккурат между ним и наплечником. Покачнувшись в седле, он понял, какую ошибку совершил, и впился в бока коня шпорами. Ада испуганно зашипела, уже как демоница. Рыжий конь встал на дыбы, его тяжелое копыто ударило айорку, отчего, вскрикнув в последний раз, Ада упала наземь с раскроенной головой и больше не поднялась.

Воин, чувствуя, как горячая кровь толчками заливает его нагрудник и перчатку, с трудом достал из ножен меч. Однако не в силах вернуться к лагерю, где бушевало сражение, он качнулся раз, качнулся два, хватаясь за поводья, — и с грохотом доспехов выпал из седла. Похоже, Граго все-таки настиг его, подумал он в последний раз. Смерть застлала его глаза...

* * *

На одинокую ель вернулся все тот же старый, лохматый ворон, выделяющийся на фоне окрестностей своей угольной чернотой. Тяжело приземлившись, отчего с ветви осыпался снег, он принялся глухо каркать. Ворон передвигался короткими скачками и глядел на происходящее внизу.

Утренняя полутьма рассеялась, поддавшись солнцу. Снежная пыль слепила взор.

Мариэльд вывели из шатра. Она стояла посреди полного трупов бивуака, скрестив руки на груди, и то ли с безразличием, то ли с высокомерным презрением глядела на своего захватчика. Захватчик, весь в крови, будто искупался в ней, снял шлем. Седые волосы рассыпались по плечам. Однако им оказался не барон Бофровский, а Филипп фон де Тастемара.

— Это заслуга не твоя, а твоих коней, — заметила Мариэльд. — Не зря ходят легенды, будто они появились от загубившей у берега кобылы, на которую наскочил кельпи.

— В конце этой старой дороги, у Вертеля, тебя бы настиг отряд Теората Черного, — ответил сухо Филипп.

— Не настиг бы.

— И почему же?

— Потому что многие понимают, что лучше подлая жизнь, чем мертвая честь. Вот и Теорат живет не честью, Филипп, как ты, а соображениями, как выжить. Опасаясь моего брата и его мести, он бы позволил мне пересечь Летардийские земли и сообщил Летэ о том, что не обнаружил меня — лишь мои следы. И он бы поступил разумно, желая сохранить себе жизнь. В отличие от тебя...

Филипп ничего не ответил: он уже зашел слишком далеко, чтобы пугаться угроз. Он ступил на тропу войны, и к этой войне был готов. К нему подошел молодой Лука Мальгерб, также одетый в желто-белый бофрайтский табард. Держа шлем на сгибе локтя, он поклонился и прискорбным, глухим голосом отчеканил:

— Двадцать пять наших погибло...

Речь шла о трети войска.

— Ноэльцев много ушло?

— Да, — кивнул капитан.

— Сколько?

— Больше половины. Видели убегающих слуг.

— Хорошо. Значит, они сообщат в Ноэле все, что нам нужно. Прикажи прямо сейчас нескольким верховым в бофрайтских табардах проскакать рысью подле ближайших деревень, на северо-востоке, в трех милях отсюда. Но прикажи проскакать на расстоянии — иначе местные живо распознают подлог. Пусть все думают, что на графиню напал барон Бофровский.

И Филипп зло усмехнулся, вспоминая, как его отряд по пути наткнулся на отряд барона Бофровского, разыскивающего беглеца Ольстера. Филипп им тогда объяснил, что не стоит тревожить покой старейшин, и так объяснил, что с трупов потом знамена и доспехи насобирали для своей задумки. А тем солрагцам, кому табардов не хватило, приказал укрыть гербовые отличия Тастемара плащами или замазать грязью.

— А что делать с добычей? — спросил Лука.

— Возьмем лишь золото, фураж и коней. Они нам пригодятся. Все остальное, имеющее ценность, надобно выволочь из шатра, собрать с трупов и утопить в реке, — приказал граф. А затем, различив горе в карих глазах молодого командира, спросил: — Твой отец тоже погиб?

— Для него это честь, милорд!

Нахмурившись, Филипп снял со своих плеч роскошный черный плащ, подбитый белкой и окропленный вражеской кровью, и передал его Луке. Тот принял последний дар для своего родителя с достоинством: каждый из солрагских конников мечтал о таком проявлении почтения со стороны господина.

— Прикажи подготовиться к скорым похоронам для наших людей. Нам нужно срочно отбыть.

— Без отдыха?

— Да, — ответил граф.

— Но есть раненые...

— Тяжелые?

— Нет.

— Тогда пусть отдыхают и перевязываются, пока идут похороны. У нас нет времени на такую роскошь, как отдых, Лука... Все сделаем по дороге. Позови из рощи слуг и Жака. А пока

переседем на свежих ноэльских и на них погрузим вьюки, — добавил граф, не терпя возражений. — Пошевеливайтесь!

Лука поспешил исполнять приказ. По традиции своих земель он укутал почившего отца в графский черный плащ, чтобы вскоре уложить его в наскоро выкопанную могилу вместе с другими солдатами. Те, кто не копал могилы, принялись перегружать мешки с зерном. Другие помогли раненым с перевязками, чтобы не задерживаться и тронуться в долгий путь. Всё делали быстро. Гвардейцы жили так уже долгое время. Ели быстро, спали, прикрыв лишь один глаз, в города почти не езжали — только чтобы обнаружить след беглянки.

Мариэльд, доселе покорно стоящая посреди бивуака, вздернула брови и отвела руку в грациозном жесте.

— Твой трюк со знаменами Бофраита сработает, но ненадолго, — заметила она.

— Дольше и не нужно, — холодно ответил граф.

— Действительно. Какая разница, когда ты заплатишь высокую цену. Неделей позже, неделей раньше? Все равно в конечном счете на твоих руках умрут все твои дети и друзья. Ты похоронишь их всех и снова останешься один. Одиночество — твое проклятие и безумие... — улыбнулась графиня.

Она не договорила, желая разбередить старые раны, но Филипп неожиданно взмахнул клинком. Мариэльд испуганно вскрикнула. Ее вытянутая кисть отделилась от руки, тут же сморщившись, почернев, вдруг рассыпалась в прах. Лишь голубое сапфировое кольцо осталось лежать посреди пыли. Оно ярко лучило под солнцем, как порой лучит ноэльское море. Потом Филипп наступил на него сапогом, вдавил в грязь. Он достал кинжал и подошел к графине, которая сжала губы, понимая, что с ней хотят сделать, но от повторного крика не удержалась. Вместе с тканью ей перерезали сначала сухожилие правого плеча, потом левого, отчего кровь заструилась по голубому платью, обагрив его. Затем, обойдя, Филипп склонился, приподнял юбку платья и полоснул уже по пяточным сухожилиям. Мариэльд завалилась назад, и он подхватил ее,

с безвольно повисшими руками и ногами, понес прочь, завернув перед этим в ее же плащ.

На холме Филипп передал графиню, которая не могла пошевелить даже пальцем, другим гвардейцам. Сам он встал с краю могилы и хмуро оглядывал лица убитых, тех, кто преданно служил ему, тех, кого он знал по именам. В могиле лежали двадцать пять крепких мужчин, среди которых сэр Рэй Мальгерб все равно казался медведем. Ни один из них не сбегал, когда стало известно, что поутру они нападут на полный вампиров лагерь. Ни один не попытался уклониться от сражения, зная, что враг в бою один на один заведомо сильнее, быстрее и живучее. Все пошли вслед за Филиппом.

Зазвучали молитвы Ямесу об упокоении души.

Шумно выдохнув, Филипп отвел взгляд от лица рыцаря и стал помогать забрасывать могилу землей, чтобы не отдать тела на растерзание зверью. Когда братскую могилу засыпали, он вернулся в лагерь. Там уже выволакивали из высокого шатра все походные сундуки и тюки. Погрузив на коней, их подвозили к берегу широко разлитой реки Вёртки, где и притапливали. Арзамас, тяжелая парча, обшитая золотыми нитями, нежные воздушные сорочки, изысканные украшения, выполненные ноэльскими мастерами из серебра, обрамленные сапфирами и агатами, кружевные перчатки, платки, оборочки для поясов, а также бесчисленное множество того, чего обычному воину никогда не пришлось бы увидеть или даже понять, для чего оно надобно, — все это медленно тонуло в ледяных водах и темнело, темнело, пока не пропало.

Не думая о том, что сейчас хоронят под водной гладью трехгодовой доход своего графства, солрагцы продолжали таскать вещи в тупом изнеможении.

Чуть погодя к Филиппу подошел Лука, взгляд которого то и дело возвращался к братской могиле, где лежали его отец и братья по оружию.

— Фураж погрузили, Лука?

— Да, господин.

— Все верховые, посланные со знаменами Бофраита, вернулись?

— Да, — прозвучал краткий ответ.

— Хорошо. Тогда нам пора отправляться. Распорядись. Быстрее!

— Что встали?! Всем собираться, живо! — закричал Лука, подгоняя солрагцев.

Филипп усадил беспомощную графиню перед собой и поскакал на запад по Дриадскому тракту, вдоль реки. Его еще долго провожал взглядом старый ворон, который сидел на ели. А когда все скрылись за горизонтом, птица тяжело слетела с ветви, присела на труп ноэльского вампира и принялся лакомиться им.

* * *

Солрагские конники покинули место побоища. Они двинулись окольными дорогами в сторону Вертеля. И если погоня за графиней истощила их, то это странное передвижение, будто они теперь от кого-то отчаянно убегали, и вовсе выжало последние силы. Дни и ночи они пробирались старыми забытыми тропами, топя коней в грязи по брюхо. Дни и ночи они знали лишь короткий роздых, лишенные сна, продрогшие, голодные, отчего один гвардеец скончался от лихорадки, буквально вывалившись на ходу из седла уже мертвым. Дни и ночи сливались в одну всепоглощающую серую пустоту. Они очень устали.

Но всех продолжала гнать воля господина, которому они были верны.

В один из дней наконец показался уже припорошенный снегом город Вертель. Верховые прибыли на большую развилку, где сливалось множество дорог. Оттуда можно было попасть в любой край Севера, выехав на большие тракты, поэтому все были уверены, что двинутся на оживленный северо-восток — к Йефасе. Ведь все сводилось к тому, что пленницу для суда следует доставить в клан, откуда она сбежала. Однако граф направил коня на северо-запад, в пустые земли.

Никто ничего не понимал...

С каждым днем ведущий в Йефасу большак удалялся. Мельчали города. Деревни встречались все реже. На горизонте начинали возвышаться пока еще неясные очертания снежных гор. Горы эти звались Астернотовскими. Некогда они выросли из пустошей за десятилетия, были остры и молоды, а оттого пользовались дурной славой, как порождения демонической воли. Поговаривали, в этих краях люди почти не живут, а те, что живут, поклоняются не единому Ямесу, а небу и небесным тварям: гарпиям и торуффам. Можно ли ждать хорошего от таких людей?

Но Филипп упрямо продолжал скакать в направлении хребтов, заставляя всех гадать, зачем ему понадобились эти страшные безлюдные земли? Разве не должен он явиться в замок к сюзерену Летэ фон де Форанциссу?

В одну из ночей, когда лагерь без знамен разбили в чистом поле, около замерзшей речки, чтобы наскоро отдохнуть, Филипп сидел у костра. Его руки ремонтировали поизносившуюся уздечку. Огонь от трещавшего искрами костра выхватывал из мрака его худое, старое лицо. По своему обыкновению, граф казался ко всему равнодушным, как камень, однако резкие движения рук, натягивающие щечный ремень, ясно выдавали затаенное напряжение. Чуть погода он приостановил работу, вслушался в окружающие равнины. Тихо сыпал снег. Где-то далеко раздалось недолгое уханье совы, которая бесшумно перелетала с одного редкого деревца на другое. Для графа ее полет был совсем не бесшумным, и он пытался понять: охотится ли эта сова за затаившейся под снегом мышью, или причина ее кружения подле них совсем иная?

Мариэльд тоже слушала ночь. Она лежала у костра на подстеленных под ее безвольное тело одеялах. Голубой наряд из дорогого арзамаса, расписанный олеандрами, за долгий путь потемнел от грязи, крови и пыли. Доселе белые как снег косы растрепались и посерели.

— Меня ищут, — заметила она.

— Пусть ищут, — отозвался холодно Филипп.

— И ведь найдут, — улыбнулась она. — Мой брат скор на расправу. Он не спустит тебе это с рук, как не спустит и младший из моих братьев, который, пока ты здесь, развернет по весне свои войска, проведет их через Стоохс и захватит твои земли и Офурт. Но ты продолжаешь упрямо следовать своей бессмысленной затее, которая приведет к смерти.

Граф смолчал. Тогда Мариэльд продолжила, повернув к нему лицо, ибо телом она повелевать не могла. Голос ее был мягким-премягким, как пух.

— Ты полагаешь, что пути назад нет...

— Тут соглашусь, — отрезал Филипп.

— Но я могу уговорить моих братьев быть милосердными.

— Меньше всего я нуждаюсь в милосердии. Другое дело, что нужно вам от деревенских мальчишек, Уильяма и Генри?

— Юлиана... — невозмутимо поправила графиня.

— Уильяма, — столь невозмутимо поправил Филипп. — Раньше мы списывали пропажу других старейшин на злой рок или противодействие клана Теух. Но выходит, это ваших рук дело? А Коа Шанрис, которого до сих пор разыскивает граф Джамед Мор, тоже пропал вашими усилиями? Сколько еще пало наших?

— Достаточно.

— Зачем?

— Часто ли боги снисходят к тому, чтобы объясняться с копошащимися у их ног червями? — мягко улыбнулась Мариэльд.

— Что же ты, божество, сейчас лежишь подле червя павшей и униженной? — ухмыльнулся граф. — Кажется, вашу славу и могущество чрезмерно приумножают.

— Отнюдь, — парировала Мариэльд. — Они порой преуменьшают ее, приписывая наши заслуги случаю, — голос ее стал змеиным. — Так что ты верно делаешь, что боишься каждой подлетевшей близко сосновой совы, неосторожного зверя или путника! Везде может укрыться мой брат. Он везде и одновременно нигде и желает отомстить за меня. А месть богов

ужасна... Хуже ее, пожалуй, только ожидание этой мести. Долго ли ты протянешь, повсюду видя врагов?

И снова на выпады не последовало никакого ответа. Филипп продолжил заниматься уздечкой. Не тем он был, кто позволил бы запугать себя. Однако графине его молчание не понравилось. Она некоторое время наблюдала за падающим снегом, затем спросила уже раздраженно:

— Куда ты меня везешь?

Филипп промолчал, склонил голову, отчего седые пряди осыпались, скрыли глаза. Его руки продолжали умело работать со щечным ремнем, а сам он вслушивался в равнины.

— Неподалеку отсюда Мошрас, где тысячу лет назад пролилась кровь Теух, — надоедливо продолжила графиня. — Ты должен был укрыться в его руинах, чтобы дожидаться других старейшин из Йефасы для суда надо мной. Но мы проехали руины еще вчера. Впереди остались только леса с Мориусом. А за ними — горы. И все... Что за безумная идея посетила тебя? Или думаешь затеряться в лесах, чтобы там тебя не настиг мой брат?

— Все пугает меня своим братом. И где он?

— Занят... — ответила ехидно графиня. — Юлианом и Генри.

— Ему придется поторопиться, — на лицо графа набежала тень.

Резко поднявшись, Филипп обошел место ночлега, караул и коней, лежавших подле друг друга. Густо повалил снег. Чем севернее они пробирались, тем сильнее крепчали морозы. Сейчас снег достигал копыт, но скоро они начнут продвигаться, утопая по колено. Старый граф рассматривал спящие лица, глядел на вздрагивающего от холода мальчика Жака, которому не повезло оказаться в этом тяжелейшем походе, возможно не имеющем обратного пути. Мальчик кутался в два плаща, но ни одного слова жалобы на тяготы не сорвалось с его уст. Хотя порой благодаря чуткому слуху Филипп и мог слышать шепот этого еще безбородого юнца, когда тот убеждал себя, что прапрадед его, воюя бок о бок с Белым Вороном,

в 2022 году совершил переход и пострашнее — по воющей вьюге до самих Тавинновских рудников. Граф не стал рассказывать, что слухи об этом переходе раздуты до неприличия, как это часто бывает с деяниями прошлого, когда воспевать больше нечего. Мальчик же сейчас претерпевал сложности, схожие с теми, с которыми столкнулся его прапрадед.

Вернувшись к пленнице, которую убаюкал снегопад, Филипп присел на льяник и вслушался в удаляющийся шелест крыльев. Не пролетит ли над ним снова та белоухая сосновая сова со взором чужого существа? Не таится ли в снегах под видом рыси враг? Обманывает ли его пленница, говоря, что велисиалы способны вселяться в зверье? Или в ее словах есть доля истины? Ночи и дни были пока спокойны, хотя все это время Филипп ни на мгновение не позволил себе даже подремать, держа под рукой меч и лук. Он не знал, сколько судьба отвела ему времени, пока пропажа графини не будет замечена.

* * *

Впереди вырастал корабельный сосновый лес. Повезло этим краям с деревом. Да так повезло, что земли эти торговали мачтовыми рощами уже несколько веков, отправляя древесину и на Юг, и в Глеоф. А леса от этого становились только гуще. Хорошая тут местность, светлая, не в пример темному Офурту. Нет, и в Офурте имелись места, подобные этим, однако их еще следовало отыскать посреди буреломов и горных ущелий, а здесь же куда ни пойдешь — везде диво, так все стройно, ровно и стремится к солнцу! Свет проникал под высокие кроны деревьев, разливался на заснеженных лужайках и играл мириадами блесток в ручьях и реках.

Все эти дни солрагский отряд никто не беспокоил. Терзали их только холода, бессонные ночи и голод, потому что Филипп избегал любых поселений и отправлял туда лишь фуражиров. Поэтому все жили в походных условиях, охотясь на живность, ночуя в лесах и посреди равнин. Таким скрытным передвижением, убрав знамена и представляясь разными именами, граф

пытался оборвать след и усложнить поиски велисиалов, когда те обнаружат пропажу своей сестры.

На закате дня безымянный отряд подступил под стены местного города — Мориуса.

Там Филипп обещал дать своим гвардейцам хорошо выспаться. Проехав деревянные ворота, Лука стал жадно интересоваться у жителей насчет приличной таверны, где можно было бы разместиться почти пяти десяткам воинов. И хотя телом Лука был крепок, как некогда и его отец, душа его требовала мало-мальски нормального отдыха.

— В «Зеленую сосну» идите, — показывал рукой на приметательную зеленую крышу горожанин. — Вот там и еда горячая всегда, готовят не из палок, и хозяин душа-человек! Да и тем паче сейчас люду мало — зима!

Наблюдая, как странные гости двинулись к указанному зданию, он зашел в дом.

* * *

Среди ночи гвардейцы прихлебывали луковую похлебку с пшеном и салом, а также причмокивали от ее сытности и теплоты, прокатывающейся внутри их брюха. Таверна и вправду оказалась хорошей, из еще пахнущего сосной сруба. Запахи сосны сливались с ароматами пива, каш и мяса, что готовились для голодных солтров на кухне. Пока солтры черпали ложками из мисок, мимо пробежал запыхавшийся Жак, который уже поел и теперь нестерпимо хотел спать, но господин послал его за тавернщиком.

— Вас просят наверх! — крикнул он хозяину заведения и отдышался, поскольку бежал с третьего этажа вприпрыжку через одну ступеньку.

Тавернщик отер руки о полотенце и заткнул его за пояс. Затем, вздохнув то ли от тревоги, что его зовет к себе этот седовласый мужчина, который так и не назвал своего имени, то ли от усталости, медленно побрел наверх. Жак остался внизу, наблюдая за толпой жадно жующих воинов. На первом этаже днем

обычно стояли гам и столпотворение. Но сейчас он был погружен в полутьму. Лишь одна свеча горела на прилавке, роняя мягкие тени на стулья, столы, спины и солров, а также на лицо Жака, который сел за стол, подпер кулаком обросший пушком подбородок и прикрыл в дреме глаза.

Тем временем хозяин заведения подошел к двери комнаты, отер пот с оплывшего лица и постучал. Затем вошел. На двух сдвинутых кроватях, самых больших, которые нашлись, с краю сидел его гость. А у стены лежала седовласая и закутанная в шерстяные одеяла женщина. Она лежала и глядела в стену, скрючившись.

«Куда это он ее, такую больную, везет?» — подумал таверщик, приняв странную неподвижность за болезнь.

— Вы-ть звали? — спросил он как можно почтительнее.

— Звал, — откликнулся холодно гость. — Скажи-ка мне, таверщик, какие поселения и города расположены севернее Мориуса?

— Севернее?

— Да, в горах.

— А-ть! Только пастушьи кочевые. Да и то уже не везде. К Хышу уже не идут. Остерегаются гудения.

— Почему?

— Так гудение земли... господин...

И хозяин заведения склонил большую голову, словно искренне не понимал, почему гостя не устроил его ответ. Однако тот лишь нахмурился и грозно заметил:

— Таверщик, я не местный! Изъясняйся понятнее! Недавно было землетрясение?

— Извините, господин. Да, три года назад у Хыша загудела земля. Обвалилась часть горы Медведя, на которой располагалось поселение Хыш. Пастухи боятся гнева богов, поэтому нынче это место обходят стороной. Ходят теперь по Данк-Хышу...

— Значит, пастухи ходят только около Данк-Хыша?

— Да, да! Они сейчас на этих зимних пастбищах.

— Хорошо. А скажи-ка, есть ли среди пастухов проводники по горам?

— Так вы-ть... Они все проводники... Все пастухи водят свои стада. Кочевой люд! Погрузят на коз и лошадей весь свой жалкий скрабишко и, пока жарко тут, внизу, поверху ходят, а сами живут где придется. Потом по зиме спускаются с отарами в Данк-Хыш и торгуют с нами. Меняют жир, шкуры, мясо, масло, поделки на все то, что привозят по трактам к нам купцы.

— Мне нужен самый знающий из них, — сказал с нажимом гость.

— Из пастухов?

Гость кивнул.

— Лучший... — Тавернщик задумался. — Тогда вам к Яши-Бану Обрубку! Он всю молодость сначала стада водил, забираясь летом почти на самые верхушки, а потом сокровища старых богов искал. Знает все горы, все пещеры, уступы и кряжи. Каждый камень зовет по имени!

— Где его найти?

— В Данк-Хыше, то бишь в его окрестностях и найдете! Только старый он и больной... В молодости уснул на коне с кожаной хлесткой в руке без перчатки, пока стадо шло в деревню. Пальцы отморозил. Стала чернеть, вот... Пришлось руку рубить! Говорит, по молодости справлялся, а сейчас рука болит, отчего он стонет, плачет. Его сын часто у нас выменивает свой товар на жизнь-траву, которую везут с Сангары. Из нее готовят отвары, чтобы рука не болела. — И затем он добавил, считая, что эти сведения могут быть полезны: — У нас травка эта не растет.

— Меня его рука не интересует.

— Тогда-ть он вам и нужен... — засмутился тавернщик. Не нравился ему этот ледяной взгляд.

— Найди мне человека, который проводит нас до Данк-Хыша, а конкретнее до стойбища пастухов, среди которых живет Яши-Бан. Скажи, я хорошо заплачу. Чтобы был к утру. Понял? Тогда хорошо заплачу и тебе.

— Да, господин, как скажете...

Чувствуя на себе взгляды седого мужчины и белоголовой женщины — взгляды пронзительные, — тавернщик заколебался. Нужен ли он здесь еще? Совсем скоро на него стали смотреть как на пустое место, тогда он раскланялся и исчез, успокоившись. Поначалу хозяин таверны принял Филиппа за опасного предводителя разбойников, который поживился на большаке, а теперь пытается с шайкой замести следы от чьего-то гнева, укрываясь в горах, но теперь понял, что это загадочный аристократ. Потому и отпустила его тревога: ясно, что такие его с семьей в постели не прирежут.

* * *

Ночь спустилась на таверну «Зеленая сосна». На город падал снег. Заснули долгожданным глубоким сном в своих комнатах солры, не зная, что их ждет впереди. Заснул подле ног Филиппа на небольшой лежанке и мальчик Жак, наевшись горячего. Снилось ему, будто он дома, в Нижних Тапилках, где мать потчует его и целует в лоб, а отец ругает ее и приговаривает, мол, нечего мужчину лаской портить.

Филипп и Мариэльд лежали рядом. Мариэльд располагалась между стеной и своим неутомимым надсмотрщиком, который держал ее при себе день и ночь. Он запрещал говорить с ней, вез в седле впереди себя и вглядывался в каждый лик, обращенный к графине. Уж не Гаар ли его настиг? Его рука почти всегда покоилась на перевязи, готовая в любой момент отразить атаку. Он был напряжен до предела, как никогда ранее. Однако внешне он казался все таким же спокойным и расчетливым, разве что более угрюмым, чем обычно. Что до самой Мариэльд, то ее издевательские речи прекратились. Она только и могла, что беспомощно созерцать, как ее увозят дальше в горы, прочь от многолюдных трактов и больших городов. И если в первые дни она сама порой дразнила своего захватчика, который упрямо молчал в ответ на издевки, то сейчас, обращаясь к ней, он тоже все чаще стал слышать тишину.

Чуть позже Филипп укрыл графиню одеялом, заметив, что она уже заснула. Либо прикидывается спящей, замедляя стук своего сердца. Тогда, положив меч на край кровати, он устался в дощатый потолок и вслушался в звуки метели.

* * *

Наступило белоснежное зимнее утро. Вокруг Мориуса войском стоял густой бор, и солры, покидая таверну, с восторгом глядели на громадные сосны, которые великанами упирались в ярко-голубое небо. А на самих солров поглядывал из-за ставней народ — к гостям по зиме здесь были непривычны. Кто-то из жителей уже выходил из домов, закутанный в шубы, меха, готовый заняться обычным хозяйственным делом. Мориус был городком неторопливым, степенным, ведь леса не располагают к поспешности. Одни только дети были неподвластны этой степенности: то и дело их, любопытных, и гвардейцы, и матери отгоняли от огромных коней, чтобы их ненароком не пришибли.

Лука Мальгерб запрыгнул в седло рыжего мерина.

— В Данк-Хыш, господин? — спросил он нарочито бодро, а внутри сжавшись от нежелания.

— Да, Лука. Фураж закуплен?

— На пару недель!

— Еда?

— Лепешки, вода, засоленная свинина. До Граговки должно хватить.

— Тогда выдвигаемся!

Держа на руках Мариэльд, будто дитя, Филипп посадил ее впереди себя. Конь пофыркал, отчего вокруг столбом взметнулась морозная пыль, побил копытом, и граф, графиня, гвардейский отряд, слуги, а также проводник Барт, найденный тавернщиком, покинули Мориус. Все они двинулись не по широкой тропе, которая уводила назад на равнины, а по узкой, туда, куда сворачивает редкий путник или торговец, — к горам, ввысь!

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

